

М. Н. Сорокина



Изображение революции
в пьесе Б. А. Лавренева «Разлом»
(Об исторической документальности произведения)

Повышенный интерес советских писателей к документальности, ее усиление в нашей литературе находятся в прямой связи с углублением в ней тенденций историзма, эпичности, научности. К историческим документам обращаются многие писатели, желая точнее и глубже воссоздать правду изображаемой эпохи, сохранить и оживить в памяти людей важнейшие исторические события и характеры их участников. Нередко писатели, щедро привлекающие документы, пишут об отсутствии вымысла, достоверности всего, о чем идет речь. Так ли это?

Документальность в художественном произведении проявляется *специфично*. События и характеры героев в нем, даже при сохранении названий исторических мест и собственных имен людей, создаются по законам словесного творчества, они *конкретизируются и обобщаются*. Одно в них опускается, другое сознательно усиливается. Автор *творит* художественный образ и обстоятельства в соответствии со своим знанием истории, жизненным опытом, мировоззрением, талантом и мастерством, что не может не накладывать отпечатка на изображение жизни и характеров людей.

Видеть в литературном герое, даже носящем имя прототипа, только одного человека, а в жизненных фактах и событиях, изображенных в произведении с сохранением названий, только эти *конкретные* факты и события — значит недооценивать обобщение, типизацию в художественной литературе, обнаруживать непонимание ее специфической природы, вводить в заблуждение читателей. Образы Чапаева Дм. Фурманова, молодогвардейцев А. Фадеева — это не только художественное воссоздание *конкретных* героев, но и характеров многих наших современников — солдат революции, талантливых командиров, организаторов Красной Армии, и советской молодежи, борющейся с фашизмом в годы Великой Отечественной войны.

Щедро обращаются к документальности и советские драматурги, заметно усиление этой тенденции в последнее время. «Желание видеть жизнь без ухищрений и прикрас, — говорил на IV съезде писателей А. Д. Салынский, — делает все более притягательной для зрителей документальную манеру. Она может пополнить арсенал художественных средств реализма, если к факту прикасается рука идейно зрелого и талантливого художника, если правда факта становится правдой искусства»¹.

В свете сегодняшних споров и раздумий о документальности в реа-

¹ «Литературная газета», 24 мая 1967 г.

листической литературе, типизации в документальных жанрах уместно и полезно изучение опыта мастеров советской литературы в художественном освоении документов.

Использование жизненного материала и, в частности, документов, создание характеров на основе прототипов имеют место и в героико-революционной драме 20-х годов. Так, В. Н. Билль-Белоцерковский, воссоздавая в пьесе «Шторм» правду эпохи, характер председателя укома, многое берет из своей биографии, опыта своей работы в качестве председателя Симбирского комитета РКП в годы гражданской войны. Врач в пьесе говорит о 217 заболеваний тифом в сутки. Эта цифра не выдумана. Она взята из симбирской газеты тех лет² и в устах врача, напуганного эпидемией, служит не только средством характеристики эпохи, но и персонажа.

Документальность присуща и «Любови Яровой» К. Тренева и «Бронепоезду 14-69», и многим другим пьесам. Но у каждого писателя, как известно, свое понимание места и роли документальности в художественном произведении, свои идейно-художественные принципы ее освоения. Это характерно и для названных выше пьес. В их ряду героико-революционная драма Б. Лавренева «Разлом» весьма интересна своим широким обращением к документам эпохи, революционной биографии «Авроры». Умело, творчески освоенная Б. Лавреневым документальность углубляет реализм и психологизм пьесы, делает ее ярким художественным произведением, памятником эпохе, революционному народу, балтийскому флоту, «Авроре».

Почти все авторы работ о «Разломе» Б. Лавренева, ссылаясь на свидетельства автора пьесы, отмечают творческое использование писателем революционной биографии «Авроры». Сопоставление текстов пьесы с историческими документами изображаемой эпохи свидетельствует о том, что документальность «Разлома» намного шире. Драматург, талантливо воссоздавая характеры участников Великого Октября, бережно доносит до нас многие факты, события эпохи революции.

«Разлом» являет собой один из первых ярких примеров творческого освоения большого революционного историко-документального материала в советской драматургии.

Весной 1927 г. Московский театр им. Вахтангова и Ленинградский театр им. Пушкина обратились к Лавреневу с просьбой написать для них пьесу к 10-летию Октября. Писатель дает согласие, определив тему будущей пьесы — флот перед Октябрем. Конкретизации весьма общего замысла помогло изображение «Авроры» на обложке книги А. Дрезена³. Позже Лавренев писал об этом: «Я посмотрел на «Аврору» (рисунки на обложке. — М. С.), и у меня мелькнула мысль, что как раз история и роль «Авроры» в Октябрьском перевороте и является одной из самых интересных тем»⁴.

С первых же шагов работы над пьесой встал вопрос о жанре произведения. Так, в одной из первых замечаний о «Разломе» Б. Лавренев писал: «Делать историческую хронику у меня не было никакого желания. Из хроники пьесы, как таковой, не сделаешь. Лучше плохая пьеса, чем хорошая хроника... Поэтому, взяв за основной стержень «Аврору», я воспользовался лишь одним бесспорным историческим фактом, правда, имевшим место несколько позднее, — попыткой офицерской организации взорвать крейсер, и на этом факте расшил абсолютно свободный узор драмы»⁵.

² См. «Театр», 1956, № 3, стр. 167.

³ См. А. Дрезен. Революция во флоте. Балтийские моряки в восстании 1905—1906 гг., Л., 1926.

⁴ «Литературная учеба», 1930, № 1, стр. 86.

⁵ «Современный театр», 1927, № 10, стр. 156.

Как видно из многих выступлений писателя, решение вопроса, «написать ли историческую хронику» или «пьесу обобщенного порядка, в которой... не было бы слишком большой связанности определенными фактами и событиями», оказалось нелегким. «Подумавши, — продолжает писатель, — я остановился на романтическом вымысле по двум причинам: во-первых, он давал большой простор, не так связывал, позволял внести большой пафос, нежели это было возможно при работе над исторической хроникой»⁶.

Положив в основу своей пьесы революционную биографию «Авроры», писатель внимательно изучает все, что имеет к ней отношение, тщательно проверяет факты, почерпнутые из исторической и мемуарной литературы. Так, Б. Лавренев уточняет факт заговора и попытку взорвать крейсер, имевшие место в 1919 г. (в пьесе эти события перенесены в 1917 г.). По просьбе драматурга актер театра им. Вахтангова В. В. Куза беседовал с П. Е. Дыбенко, который «подтвердил как факт попытки взрыва «Авроры», так и выдачу офицерской организации органам революционного правосудия женой одного из офицеров на почве личной мести»⁷.

Забота писателя о достоверности жизненных событий, исторических фактов объясняется, на наш взгляд, тем, что, несмотря на замену названия крейсера (в пьесе он «Заря»), в сюжете произведения очень явственно просвечивал славный революционный подвиг «Авроры», балтийских моряков. Точно были определены писателем место и время действия: Кронштадт, июль—октябрь 1917 г.

Революционная биография «Авроры» для Б. Лавренева, как и героическая чапаевская дивизия для Д. Фурманова, не была единственным источником произведения. Оба писателя, стремясь к созданию обобщенной картины времени, изучали самые различные материалы. Б. Лавренев, по собственному признанию, перечитал «большое количество книг», в частности, «по истории революционных восстаний во флоте»,⁸ после чего «начал опросы очевидцев»⁹. «...Я опрашивал, — писал Б. Лавренев, — целый ряд моряков, политических работников Балтфлота, и каждый из этих разговоров и рассказов я записывал в общих, существенных чертах, отмечая интересные факты»¹⁰.

Документальная правда в пьесе «Разлом» слита с мыслями, чувствами, поведением героев, воспринимается и оценивается ими, несет на себе отпечаток авторской концепции жизни. Партийность писателя обусловила исторически верное изображение событий Октября, классовый расстановки сил в стране, глубокое социально-психологическое раскрытие внутреннего мира героев. Образное решение взятой темы, ее правильное идейное истолкование не ослабили жизненной, историко-документальной правды, а, напротив, усилили ее, сделали понятной, яркой, эмоциональной, художественно зримой. Вымысел писателя вырос на основе хорошего знания и правильного объяснения изображаемой эпохи, людей, событий, способствовал воссозданию жизненной, историко-документальной правды в художественном произведении.

Б. Лавренев сумел показать нарастание революционного движения в стране, значение третьеиюльской демонстрации в Петрограде, роль Центробалта и большевиков в решительном наступлении против Временного правительства. Писатель наряду с вымышленными фактами и

⁶ «Литературная учеба», 1930. № 1, стр. 86.

⁷ Б. А. Лавренев. Заявление в ССП от 7 февраля 1928 года, ИМЛИ, отдел рукописей, ф. 68, оп. 1, л. 4. Этот эпизод приводится писателем и в печатных выступлениях, в частности, в «Литературной учебе», 1930, № 1, стр. 87.

⁸ «Литературная учеба», 1930, № 1, стр. 89.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 86.

событиями вводит и конкретно-исторические, умело подчиняет их идейно-эстетическим задачам произведения.

Тема третьей июльской демонстрации не развернута в сюжете пьесы. О ней мы узнаем из рассказов Берсенева и Годуна¹¹. Вводя в пьесу события 3 июля опосредствованно, изображая их через восприятие участников демонстрации, писатель с помощью вымысла воскрешает их пережитые волнения, довольно точно рисует путь демонстрантов, картину обстрела демонстрации¹². Мысли и чувства Берсенева и Годуна близки мыслям и чувствам реальных участников демонстрации.

Известно, что в результате деятельности большевиков доверие к меньшевикам и эсерам на многих кораблях было подорвано уже весной 1917 г. По свидетельству П. Е. Дыбенко, «уже к концу апреля (1917 г. — М. С.) многие корабли, как-то: «Республика», «Петропавловск», «Севастополь», «Андрей Первозданный», «Аврора», «Россия», а также Свеаборгская рота связи почти целиком стояли на нашей платформе»¹³.

Агитаторы Временного правительства, их делегации получали достойный отпор на революционных кораблях, хотя нейтрализовать большевикам выступления меньшевиков и эсеров не всегда было легко. Как вспоминает авроровец Т. И. Липатов, «...когда на «Аврору» приезжали такие ораторы и лидеры, как Чхеидзе, Церетели, Чернов, против них на помощь нам появлялись Володарский, Позерн и другие руководящие работники партии, которые успешно разбивали агитацию меньшевиков и эсеров под шумное одобрение матросов»¹⁴.

Б. А. Лавренев воссоздает один из таких рядовых митингов. Комедийно заострив эту сцену в пьесе, писатель остроумно высмеял провал делегации Временного правительства¹⁵.

Лавренев, стремясь к созданию *обобщенной* картины эпохи, положения во флоте и стране, показал острую классовую борьбу, огромный вес и авторитет большевиков, за которыми шла большая часть матросов.

Вспоминая свою работу над пьесой, Лавренев писал: «Нужно было показать матросскую массу такую, какую она была перед Октябрем... Ведь матросская среда не была однородна по своему составу... В матросской среде было много элементов чрезвычайно шатких и часто враждебных, державших сторону офицерства до последнего момента.

С другой стороны нужно было показать этот разлад в среде командного состава...

Отсюда и получился четырехугольник, основные стыки которого были: командный состав — Берсенев и Штубе, в матросской среде — Годун и Швач»¹⁶.

Известно, что перед историческим выходом «Авроры» к Николаевскому мосту положение на крейсере было напряженным. Временное

¹¹ См. Б. Лавренев. Собр. соч., кн. 4, «Пролетарий», М., 1928, стр. 175—176, 178—179; Б. Лавренев. Собр. соч. в 6-ти томах, т. 5, «Художественная литература», М., 1965, стр. 92, 96—97.

¹² См. И. Флеровский. Июльский политический урок. Воспоминания, ж. «Пролетарская революция», 1926, № 7, стр. 72—89; Ф. Ф. Раскольников. На боевых постах, Военное изд-во Министерства Обороны СССР, М., 1964, стр. 111—154; П. Дыбенко. Революционные балтийцы, Госполитиздат, М., 1959, стр. 61—65; П. Зайцев. В Кронштадте. В кн.: Летопись Великого Октября. Апрель—октябрь 1917 г., «Советская Россия», М., 1958, стр. 126.

¹³ П. Дыбенко. Революционные балтийцы, стр. 37.

¹⁴ Цит. по кн.: М. П. Пронин. Легендарный крейсер, Лениздат, 1957, стр. 66.

¹⁵ См. Б. Лавренев. Собр. соч., кн. 4, «Пролетарий», М., 1928, стр. 195—201; Б. Лавренев. Собр. соч. в 6-ти томах, т. 5, «Художественная литература», М., 1965, стр. 118—123.

¹⁶ «Литературная учеба», 1930, № 1, стр. 88.

правительство хотело вывести крейсер из Петрограда, где «Аврора» находилась на ремонте, в Гельсингфорс. Но крейсер по приказу Центробалта остается в Петрограде. Вскоре судовой комитет «Авроры» получает телефонограмму из Военно-революционного комитета о выходе крейсера в устье Невы. Командир «Авроры» отказывается выполнить этот приказ. По решению судового комитета крейсер готовится к отплытию. В последнюю минуту командир соглашается вести корабль по узкому фарватеру Невы к Николаевскому мосту. Таковы конкретные факты, отраженные в документах,¹⁷ исторической¹⁸ и мемуарной¹⁹ литературе.

В пьесе нашли художественное освещение и многие другие события, факты того времени: преступная политика Временного правительства, разрешившего войти в воды Балтики кайзеровскому флоту, героическая борьба с ним революционных балтийцев, требования освобождения арестованных Раскольников и Рошала.

Историко-документальные коллизии в сюжетной организации произведения сочетаются с коллизиями, идущими от личного жизненного опыта писателя. Семейно-интимные отношения Татьяны и Штубе в пьесе — воссоздание аналогичных в жизни²⁰. В избранных автором как общественно-исторических, так и семейно-интимных отношениях, частных коллизиях реализуется большой конфликт эпохи.

В создании характеров «Разлома» значительна роль прототипов, большого жизненного опыта писателя, участника революции, командира Красной Армии, сражавшегося за Власть Советов на Украине, в Крыму, Туркестане. «С изображением матросской среды мне справиться было не слишком трудно, — писал Б. Лавренев. — Я провел среди матросов первые годы гражданской войны, жил с ними дружно и тепло, и психология матроса 17 года не была для меня загадочной»²¹.

Как известно, для писателя важно знать не только внутренний мир героев, но и внешние формы его проявления: поступки, действия, жесты, своеобразие речи. И в этом всегда огромна роль жизненного опыта писателя, его творческого воображения, знания языка, фразеологии изображаемой среды. «Когда я попал в 1919 году на бронепоезд, — вспоминал Б. Лавренев, — и окунулся в матросскую гущу, меня поразила необыкновенная конструкция фраз, необыкновенные выражения и словечки, которыми разговаривали эти люди»²². Наиболее интересные примеры писатель вносил в записную книжку, которая будет найдена им в период работы над пьесой и очень поможет ему²³.

По свидетельству Б. Лавренева, в образе председателя судового комитета Артема Годуна воплощен характер революционного балтийца Кости Годуна, «красивого, сажень в плечах, сероглазого великана»²⁴. «...Годун, — писал Б. Лавренев литературоведу Е. Добину, — wszел в пьесу под своей действительной фамилией. Это человек, которого я хорошо знал, с которым вместе работал в период между Февральской и Октябрьской революцией в штабе Московского военного округа, балтийский матрос Костя Годун (я только дал ему имя Артем), — чело-

¹⁷ См. Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. Сб. архивных документов, АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 280—281

¹⁸ См. М. П. Пронин. Легендарный крейсер; Е. Юнга Бессмертный корабль, Воениздат, М., 1957.

¹⁹ П. Дыбенко. Революционные балтийцы, стр. 80—81.

²⁰ См. «Молодая гвардия», 1957, № 5, стр. 186 и другие выступления драматурга

²¹ «Литературная учеба», 1930, № 1, стр. 88

²² Там же, стр. 89.

²³ См. «Литературная учеба», 1930, № 1, стр. 89.

²⁴ «Молодая гвардия», 1957, № 5, стр. 185.

век большого и сильного характера, прирожденный руководитель и организатор, к сожалению, погибший в Октябрьские дни от осколка снаряда в московских боях»²⁵. Вместе с тем писатель отмечал, что в Годуне он «собрал черты многих характеров матросов военного флота...»²⁶

Созданный писателем образ Артема Годуна дорог нам как образ реального героя, участника Революции, и как обобщенный, типический характер многих революционных матросов, большевиков, руководителей народных масс в годы Октября.

В пьесе не подверглись большой трансформации и характеры Татьяны и Ксении, взятые из жизни. «Изображение семьи Берсеневых, — вспоминает Б. Лавренев, — не представляло для меня особых трудностей. Я просто списал с натуры семью моих дальних родственников В-цевых, сохранив даже имена обеих дочерей — Татьяны и Ксении, поскольку к тому времени их уже не было в живых. Татьяна умерла в Самаре в годы гражданской войны, заразившись тифом в красноармейском госпитале, где работала врачом, а Ксения в январе 1919 года покончила с собой.

Татьяна еще в 1917 году летом разошлась на почве полного разногласия в политических взглядах с мужем, поручиком лейб-гвардии конного полка, который вскоре бежал к белым. Он послужил для меня прототипом Леопольда Штубе»²⁷.

В основе характера капитана I ранга Берсенева лежат несколько прототипов. Как неоднократно отмечал Б. Лавренев, в работе над этим образом ему помогла талантливая книга Л. Рейснер «Фронт». «Я взял из нее, — писал драматург, — образ бывшего помощника командующего флотом и помощника морского министра, адмирала Беренса, который перешел на сторону большевиков немедленно после Октября, затем начальника оперативного отдела Волжской красной флотилии Н. Н. Струйского и лейтенанта Сабурова, бывшего очень крупного эмигранта, до Октябрьской революции находившегося за границей, вернувшегося в Россию 60-летним стариком и с молодым и беззаветным пылом бросившегося в революционную борьбу.

Эта книга помогла мне создать тип офицера, честного специалиста, не вдаваясь ни в сентиментальность, ни в слякотовость, не перегибая палку. Из немецкой фамилии Беренс я по созвучию сделал русскую фамилию — Берсенева»²⁸.

В создании образа Берсенева, как и других персонажей, значителен и личный жизненный, революционный опыт писателя. Так, в числе прототипов Берсенева драматург называл и Модеста Васильевича Иванова²⁹, первого советского контр-адмирала, произведенного в это звание в 1917 г.¹ Всероссийским Съездом Военного флота³⁰. О М. В. Иванове ничего не сказано в книге Л. Рейснер.

Знание и понимание жизни, сложных процессов внутренней ломки характеров людей помогли Б. Лавреневу показать с большой психологической правдой преодоление Берсеневым сословных традиций, привычек, кастовых привязанностей. Типичность, жизненность этого явления подтверждается и мемуарной литературой³¹.

²⁵ Е. Добиин. Жизненный материал и художественный сюжет, «Советский писатель», Л., 1956, стр. 26.

²⁶ «Молодая гвардия», 1957, № 5, стр. 185.

²⁷ Там же, стр. 186.

²⁸ «Литературная учеба», 1930, № 1, стр. 88—89.

²⁹ См. «Молодая гвардия», 1957, № 5, стр. 186.

³⁰ См. «Революционный флот», 1917, № 16 (28), стр. 3—4.

³¹ См. А. А. Игнатьев. 50 лет в строю, т. 2, «Советский писатель», М., 1952, стр. 294—296; М. Д. Бонч-Бруевич. Вся власть Советам, Ташкент, 1958, стр. 8—9.

Известно, что историческая документальность не станет таковой в художественном произведении, если писатель в творческом, художественном изображении жизненных фактов и процессов не свяжет их с личностями героев, не даст им верного авторского истолкования. Талант, жизненный опыт, мастерство, партийность Лавренева обусловили социально-психологическую правду мыслей и чувств героев, правду исторических событий и фактов.

Пьеса «Разлом» — глубоко реалистическое произведение с широким использованием исторической документальности. Вымысел писателя, как мы видели выше, вырастает на основе глубокого проникновения в сущность эпохи, ее социально-политических и семейно-бытовых конфликтов, знания конкретно-исторических событий и людей изображаемого периода.

Характерно, что в 50-е годы наряду с высказываниями драматурга о том, что он писал «свободную пьесу, а не историческую хронику»³², имеют место и другие — о «минимальности» вымысла, предельной документальности сюжета, о характерах героев, взятых из жизни³³. Писателя уже меньше смущает наличие «свободного» вымысла в его пьесе, когда он пишет о ее исторической документальности.

Историческая документальность, конкретность и обобщенность «Разлома» дороги его многочисленным читателям и зрителям. По отзыву Диденко, матроса Черноморского флота, в пьесе «хорошо показана революция во флоте, старики наши про крейсер «Аврору» рассказывали, очень даже похоже»³⁴.

По мнению В. В. Куйбышева, «когда смотришь его (имеется в виду спектакль «Разлом» в театре им. Вахтангова 1927 г. — М. С.), — снова красочно вспоминается все пережитое в годы революции»³⁵.

Болгарский ученый А. Златаров, побывавший в Москве в 30-е годы на спектакле «Разлом», писал о пьесе как о «ценном, вдохновенном документе года и месяца, которые явились началом революционной победы», как о произведении, в котором «отображены факты и черты, действительно исторически верные»³⁶.

В литературоведении последних лет детальное освещение получили большая эпичность³⁷, социальный психологизм «Разлома». Но представление о жанровом новаторстве этой талантливой пьесы не полно, на наш взгляд, без должного интереса к ее исторической документальности.

³² «Молодая гвардия», 1957, № 5, стр. 185.

³³ См. Е. Добин. Жизненный материал и художественный сюжет, стр. 26—27.

³⁴ «Современный театр», 1927, № 12, стр. 190.

³⁵ Цит. по кн.: И. Эвентов. Борис Лавренев, «Советский писатель», Л., 1951, стр. 56.

³⁶ Съветската литература в България. 1918—1944, Издателство на БАН, София, стр. 126.

³⁷ См. А. О. Богуславский, В. А. Диев. Русская советская драматургия. Основные проблемы развития. 1917—1935, изд-во АН СССР, М., 1963 (глава «Борьба за драматургический эпос»).